

< Пушкин, Лермонтов и Гоголь о Петербурге >

Р. Г. Назиров

«Петербург неутомимый», «немецкий град», «окно в Европу» — таково историческое политическое определение «младшей столицы». Несмотря на трагическую судьбу героев «Медного всадника», эта поэма — гимн городу. Пушкин изображает парадную сторону Петербурга, набережные Невы, дворцы, острова с их парками, Адмиралтейство. Но после синтетической картины города начинается действие, и мы видим жизнь «маленького человека». Возникает конфликт между Евгением и статуе, которая символизирует идею государственности; личность против великой державы. Очень своеобразная, очень русская постановка вопроса.

Закон государственной необходимости привёл к созданию горда над морем, на неудобной болотистой почве, подверженной страшным наводнениям. Закон государственной необходимости привёл к гибели Параши — и крушению личной жизни Евгения. «Государство проехало колесом своей триумфальной колесницы через живую душу человека...» (Г. А. Гусковский, «Пушкин и проблемы реалистического стиля», М., 1957, стр. 406). Но Пушкин отчётливо сознаёт колоссальную историческую роль Петра:

Ужасен он в окрестной мгле!
Какая сила в нём сокрыта!
А в сем коне какой огонь!
Куда ты скачешь, гордый конь,
И где опустишь ты копыта:
О мощный властелин судьбы!
Не так ли ты над самой бездной
На высоте уздай железной
Россию поднял на дыбы?

Трагическая судьба героя не противоречит заключительным стихам вступления, не вызывает сомнения в их высокой, свехличной, исторической справедливости:

Красуйся, град Петров, и стой
Неколебимо, как Россия.
Да умирится же с тобой
И побеждённая стихия...

В символическом образе фальконетова «медного всадника» Пушкин показал и жестокость Петра, и его творческую силу.

В 1828 поэт создаёт замечательное стихотворение:

Город пышный, город бедный,
Дух неволи, стройный вид,
Свод небес зелёно-бледный,
Скука, холод и гранит —
Всё же мне вас жаль немножко,
Потому что здесь порой
Ходит маленькая ножка,
Вьётся локон золотой.

Замечательные зарисовки жизни Петербурга создаёт Пушкин в романе «Евгений Онегин». В I главе описана жизнь великосветского dandy, бульвар, ресторан, балет: на фоне Петербурга.

Еще амуры, черти, змеи
На сцене скачут и шумят;
Еще усталые лакеи
На шубах у подъезда спят;
Еще не перестали топтать,
Сморкаться, кашлять, шикать, хлопать;
Еще снаружи и внутри
Везде блистают фонари;
Еще, прозябнув, бьются кони,
Наскуча упряжью своей,
И кучера, вокруг огней,
Бранят господ и бьют в ладони:
А уж Онегин вышел вон;
Домой одеться едет он.

Кабинет восемнадцатилетнего философа, где Онегин проводил перед зеркалами по три часа.

Янтарь на трубках Цареграда,
Фарфор и бронза на столе,
И, чувств изнеженных отрада,
Духи в граненом хрустале;
Гребенки, пилочки стальные,
Прямые ножницы, кривые
И щетки тридцати родов
И для ногтей и для зубов.

Онегин в «ямской карете» мчится на бал. Автор опять-таки начинает описание бала извне, с петербургского фона.

Перед померкшими домами
Вдоль сонной улицы рядами
Двойные фонари карет
Веселый изливают свет
И радуги на снег наводят;
Усеян площадками кругом,
Блестит великолепный дом;
По цельным окнам тени ходят,
Мелькают профили голов
И дам и модных чудаков.

В картину бала Пушкин вставил знаменитое стихотворное отступление о ножках, которое для тупых его современников заслонило своей прелестной свободой и фривольностью чуть не всё его творчество. На русском языке не до, ни после никто так не писал по-французски.

Что ж мой Онегин? Полусонный
В постелю с бала едет он:
А Петербург неугомонный
Уж барабаном пробужден.
Встает купец, идет разносчик,
На биржу тянется извозчик,
С кувшином охтенка спешит,
Под ней снег утренний хрустит.
Проснулся утра шум приятный.
Открыты ставни; трубный дым
Столбом восходит голубым,
И хлебник, немец аккуратный,
В бумажном колпаке, не раз
Уж отворял свой васисдас.

Картины петербургского быта обступают героя со всех сторон. Ведь первую главу Пушкин писал в изгнании, а воспоминание о знакомых местах всегда их несколько приукрашивает. Снова упоминаются «белые ночи», которым Пушкин ещё не даёт такого названия (глава первая, XLIVII строфа). И далее:

Все было тихо; лишь ночные
Перекликались часовые,
Да дрожек отдаленный стук
С Мильонной раздавался вдруг;
Лишь лодка, веслами махая,

Плыла по дремлющей реке:
И нас пленяли вдалеке
Рожок и песня удалая. . .

Первая глава «Онегина» полна Петербургом. Действие снова возвращается в столицу только в восьмой главе, и здесь уже Пушкин описывает не город, а общество: ряд портретов, зарисовок, порой шаржированных.

«Пиковая дама» построена Пушкиным как современная повесть, в которой реальное смешано с фантастическим. Повесть тесно связана с размышлениями Пушкина о русской истории, в ней отражены его мысли о судьбах правящего класса в России. Старя графиня и Герман — не только персонажи повести, но и образы двух слоёв господствующего класса. Старуха — азартный хищник, пришедший наследовать богатства, которые проигрывает уходящее барство. Оба этих типа — характерно петербургские. Они могли явиться только в Столице, где сосредоточена машина управления, где люди далеки от реальной жизни, где помещики и вельможи оторваны от своих помещичьих хозяйств и живут фантастической, иллюзорной жизнью. [Один из прототипов старухи — княгиня Н. Голицына].

Петербургский колорит повести подчёркивается отдельными выразительными штрихами:

«Очутился он в одной из главных улиц Петербурга, перед домом старинной архитектуры. Улица была заставлена экипажами, кареты одна за другою катились к освещённому подъезду. Из карет поминутно вытягивались то стройная нога молодой красавицы, то гремучая ботфорта, то полосатый чулок и дипломатический башмак. Шубы и плащи мелькали мимо величавого швейцара».

< . . . >

Сюжет «Пиковой дамы» развёртывается на фоне петербургских контрастов: окраина с их «уединёнными трактирами» и аристократических кварталов. Социальные противоречия социальные противоречия Петербурга объясняют возникновение призрачных мечтаний о спасителе-золоте, которым одержим герой.

Пушкин в такой же мере творец образа Петербурга, как Петр Великий — строитель самого города.

В «Станционном смотрителе» гусар Минский и Дуня живут в известной гостинице Делута, а потом он поселяет её в одном из богатых особняков Литейной части. Упоминается и окраина столицы, где в Измайловском полку обитают бедняки, в том числе отставной унтер-офицер, у которого поселяется Самсон Вырин.

Николаевский Петербург нагнал тоску на Лермонтова. В 1832 он написал: «Увы! как скучен этот город. . . » — где говорил о бездушии петербуржцев. Общее впечатление Лермонтов близко к гоголевскому.

Жизнь петербургского света отражена в таких произведениях Лермонтова, как «Маскарад», «Сказка для детей», «Княгиня Лиговская», «Штосс». В знаменитой драме он описал,

сатирически заострив, балы-маскарады в доме Энгельгардта, известные всему Петербургу; на маскарадах у Энгельгардта бывали члены царской фамилии и даже Николай I.

Лермонтов едко бичевал светское общество и в то же время сочувственно изображал демократический Петербург-жизнь бедноты в районе Обухова моста или Столярного переулка.

В начале «Княгини Лиговской» изображён бедный молодой чиновник Красинский: «синяя ваточная шинель с старым бобровым воротником», «картуз неопределённой формы». Он идёт по Вознесенской улице, когда на него налетает гнедой рысак офицера в белой шинели и шапке с белым султаном. Столкновение бедности и богатства здесь буквальное!

Князь и княгиня Лиговские живут на Большой Морской улице. Трактир «Феникс» (нечто вроде артистического клуба) помещается против Александринского театра. Завистливая толпа разглядывает съезд карет к подъезду богатого особняка баронессы Р. на Миллионной улице. Великолепно обрисован в повести театральный разъезд («обыкновенные» и «необыкновенные»).

<...>

В «Княгине Лиговской», когда Печорин ищет Красинского, показана и жизнь бедняков: залитый грязью двор, узкий и угловатый; грозящие обрушиться пирамиды дров; тяжёлый, едкий запах, ворчание собак...

<...>

Девятнадцатилетним мечтателем приехал Гоголь в Петербург. Самый плодотворный период в его творчестве-это 1831 – 1836 гг., время жизни в Петербурге и общения с Пушкиным. Жизнь в столице породила и знаменитые «петербургские повести».

<...>

За внешним блеском имперской столицы Гоголь всё отчётливее различал бездушные города-спрута, высасывающего живые соки из всей страны, губящего маленьких людей. Петербург представляется Гоголю не строгой и стройной громадиной, а кучей «наброшенных один на другой домов, гремящих улиц, кипящей меркантильности, этой безобразной кучей мод, парадов, чиновников, диких северных ночей, блеска и низкой бесцветности». (Гоголь, т. IX, стр. 17).

«Невский проспект» начинается, казалось бы, с восторженного славословия.

<...>

Но затем Гоголь показывает, «какая быстрая свершается фантазмагория [на Невском] в течение одного только дня!» В этом известном описании перемен, происходящем на Невском в течение суток, в восхищённом тоне панегирика начинает сквозить желчная ирония сатирика.

<...>

Две истории завязываются на невском проспекте. Поручик Пирогов, увязавшись за хо-рошенькой немочкой, женой жестяных дел мастера Шиллера, попадает в руки грубых ремесленников-немцев, которые подвергают его порке. Художник Пискарёв, влюбившись

в девушку, которая оказалась проституткой, не выдерживает крушения романтических иллюзий: он лишается рассудка и перерезает себе горло.

После этого новым смыслом наполняется пейзаж Невского. «О, не верьте этому Невскому проспекту. . . Всё обман, всё мечта, всё не то, чем кажется!»

Пошлость и показной блеск Невского проспекта символизируют ложность парадного благополучия николаевской империи.

«Портрет» начинается в подробного и колоритного описания Коломны — той части Петербурга, которую изобразил Пушкин в поэме «Домик в Коломне». Гоголь пишет: «Тут всё не похоже на другие части Петербурга, тут не столица и не провинция; кажется, слышишь, перейдя в Коломенские улицы, как оставляют тебя всякие молодые желанья и порывы. Сюда не заходит будущее, здесь всё тишина и отставка, всё, что осело от столичного движенья». Столица безжалостно перемалывает человеческие существа, лишает их всякой надежды на будущее и отправляет доживать свои дни в Коломне.

В «Портрете» развёртывается романтическая критика капитализма. «Наш век давно уже приобрёл скучную физиономию банкира». Дьявольская сила денег губит искусство.

В «Носе» исторически достоверное воспроизведение быта и нравов Петербурга подчеркивало реальность даже самых фантастических происшествий.

«Нос был в мундире, шитом золотом, с большим стоячим воротником; на нём были замшевые панталоны; при боку шпага. По шляпе с плюмажем можно было заключить, что он считался в ранге статского советника».

Нос ездит по городу в коляске и даже заходит помолиться в Казанский собор. Он с презрением третировал коллежского асессора Ковалёва. Для Гоголя всё дико, всё нелепо в Петербурге.

NB! *Где Пушкин видел гармонию и необходимость, Гоголь видит хаос и абсурд. — Р. Назиров.*

Абсурд как основа образности «Носа» обуславливает преобладание в этой повести гротескно-комического колорита. Петербург «Носа» — это нелепый, трагически-смешной и страшный сон.

Поэтическая прелесть повести — в необычайно остром соседстве фантастик с точным бытовым рисунком. Мы видим реалистическое развёртывание фантастического. Фантастическое проявляется в реальном.

«Шинель» — это как бы итог всех др-х петербургских повестей. Юмор Гоголя здесь мягок и деликатен, автора ни на миг не оставляет горячее сочувствие к герою. Непримиимые социальные контрасты служат фоном действия.

<...>

В конце повести, в фантастической форме, возникает тема возмездия, гневный протест против общественных порядков, обусловивших трагическую гибель маленького человека. Заострённо-гротескным, фантастическим характером концовки Гоголь ещё раз подчеркнул эту протестующую тенденцию.

Гоголь часто описывает Петербург, но он не даёт никаких черт архитектуры города. И в «Невском проспекте» нет собственно проспекта, его домов, дворцов, мостов, а есть только люди и их социальные отношения. Гоголь не видит великолепия столицы, не замечает её строгой красоты. Для него существует только человек, определённый уклад жизни, наиболее плотно и густо выраженный в столице.

Петербург Пушкина — это город зодческого гения, освобождённый ночью от толпы и тем самым очищенный в своей красоте от заслоняющего её мельтешения человеческой массы, и даже городской пейзаж вступления к «Медному всаднику» дан как бы без людей, без лиц.

А у Гоголя выдвинулись на первый план и всё заслонили именно люди, их группы, их массы. Даже ночной Петербург — это круговорот толпы, и «мириады карет», валящихся с мостов, и гром, и блеск, и грабители на отдалённой площади, и спящий будочник. А дневной Петербург — это мастеровые и чиновники, и сам государь, едущий по Невскому, и неменные жандармы.

Петербург Гоголя — это не символ, это конкретный образ совокупности людских масс, скованных конкретным укладом жизни.

Но все петербургские повести Гоголя пронизаны фантастическими или гротескно-бытовыми мотивами, и эта существенная черта, объединяющая весь цикл, способствующая единству самого образа Петербурга. Может быть, главная черта этого образа в том и заключается, что это город совершенно нереальный, невероятный, фантастически. Гоголь включается в традицию «петербургской сказки» — легенды о великом городе, где происходят удивительные и невозможные события.